

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

В деле только
девушки

Смешные детективы

Наталья Александрова
В деле только девушки

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

В деле только девушки / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2017 — (Смешные детективы)

ISBN 978-5-699-95065-2

Ничто не предвещало, что модный автор детективных романов Ирина Снегирева оставит очередной шедевр недописанным и бросится спасать свою непутевую подругу Катку. Увы, все случилось именно так. Но кто же мог подумать, что самые безумные фантазии писательницы оживают с такой легкостью? Теперь по Петербургу носятся стаи диких обезьян, магические камни африканских племен парализуют бандитов, а Пиковая дама, переодевшись в капитана Матросову, бросается грудью на амбразуру, чтобы спасти честь родной полиции...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95065-2

© Александрова Н. Н., 2017
© Эксмо, 2017

Наталья Александрова

В деле только девушки

© Александрова Н. Н., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Как прекрасна иногда бывает жизнь! Много ли человеку нужно для счастья!

Именно это было написано на лицах всех без исключения прохожих, которые двигались по Невскому проспекту в обе стороны – к Адмиралтейству и к площади Восстания. Еще бы не радоваться, когда на календаре самое начало мая, а солнце светит совсем по-летнему. И все это ведь уже четвертый день, так что даже самые недоверчивые отважились наконец снять теплые пальто. Почки на деревьях давно уже сообразили, что пора, и полопались, и деревья радовали теперь глаз нежной зеленью. Блестели чисто вымытые витрины магазинов, в витринах отражались нарядные приветливые люди, скалящиеся от полноты чувств собаки и надраенные машины. В такие дни весь город счастлив.

Ирина мало чем отличалась от остальных. Как и у всех, у нее на губах бродила мечтательная улыбка. Хотелось поднять лицо к ласковому солнышку и застыть так на неопределенный срок. Однако на Невском проспекте не застынешь – сметут. Ирина двигалась в толпе, поглядывая на витрины и машинально окидывая взглядом встречных женщин. Многие одеты уже совсем по-летнему. Интересно, как бы на ней смотрелись эти коротенькие брючки...

В эту минуту на нее с размаху налетел кто-то шумный, толстый и запыхавшийся. Некто был в сером и бесформенном, но Ирина поняла все же, что это женщина. Посыпались на тротуар какие-то пакеты и кульки, дама в сером стремительно нагнулась и боднула Ирину головой в живот.

– Простите! – завопила она, хотя Ирина не успела еще выразить недовольство. – Ради бога, простите, я не нарочно!..

– Катька! – изумленно вскрикнула Ирина, узнав по голосу свою подругу Катю Дронову. – Катерина, неужели это ты?

– Ой, – Катя села прямо на асфальт, – Ирка! А я тебе не узнала в темных очках! И еще этот костюм...

– Что костюм? – удивилась Ирина.

– Костюм новый и сидит на тебе отлично, – сказала снизу Катерина без всякой зависти. – Цвет тебе очень идет, правильно его выбрала, с таким цветом главное – в оттенке не ошибиться.

Ирина тут же подумала, что вкус у Катьки, конечно, есть, и чувство цвета, и все остальное, не зря же она художница. Но сама она одеться, увы, совершенно не умеет. Вот и сейчас – весна ведь, всем хочется выглядеть понаряднее, а на подруге такой балахон, что поискать.

Они собрали многочисленные Катькины пакеты, и Ирина попыталась отряхнуть серую хламиду.

– А, брось, – Катя махнула рукой, – это же пыльник! Пыльник – чтобы пыль собирать, значит, пыли на нем не должно быть видно.

Ирина отвернулась, чтобы не засмеяться. Катька в своем репертуаре.

– Я так рада тебя видеть! – болтала та. – Слушай, мы же почти месяц не виделись!

– А что ж не звонила-то? Я знаю, что ты, когда работаешь, отключаешь телефон.

– Я звонила, – стала оправдываться Катя, – а у тебя включен бездушный автоответчик. «Ах, Ирине Снегиревой звоните с девяти до часу»! Безобразие какое! А если я работаю по ночам, а до часу...

– А до часу ты спишь, – подхватила Ирина и рассмеялась.

– И очки темные нацепила, – беззлобно улыбалась Катя. – Тоже мне, знаменитая писательница детективов! Читала твоё интервью в газете. И по телику смотрела.

– Ты же телевизор никогда не включаешь?

– Тетка позвонила, кричит: «Включай скорее телевизор, там такое!» Я уж думала, не дай бог, какой теракт или государственный переворот. А там ты в ток-шоу участвуешь!

– Слушай, что мы встали посреди дороги? – спохватилась Ирина. – Давай зайдем куда-нибудь, посидим. Вот сюда хотя бы, – она кивнула на вывеску кафе.

– Слушай, мне жутко некогда, – отмахнулась Катя, и Ирина изумленно вытаращила глаза.

Чтобы Катька отказалась от еды? Да они с Жанной, третьей их подругой, чего только не делали, чтобы заставить Катерину не есть столько сладкого и вообще есть хоть чуть-чуть меньше, предрекая, что, если так будет продолжаться, Катька не влезет ни в одно платье и не войдет ни в одну дверь. Все было напрасно. Даже когда Катерина почти год путешествовала по Европе и бегала там как ненормальная по музеям, даже тогда она вернулась домой посвежевшая, загоревшая, но с абсолютно такой же фигурой. Даже когда Катька второй раз вышла замуж, кстати, на взгляд Ирины, весьма необдуманно и скоропалительно, и муж, профессор Кряквин, оказался убежденным вегетарианцем и фанатом здорового образа жизни, Катерина умудрилась не похудеть. Правда, как выяснилось позже, она тайком от мужа норовила слопать в каждом кафе на пути бутерброд или пирожное.

И вот теперь эта самая Катерина отказывается зайти в кафе. И это после того, как они не виделись почти месяц!

Ирина пристально поглядела на подругу. Если не обращать внимания на Катькины вечно растрепанные волосы, абсолютное отсутствие косметики и жуткий балахон цвета крысиной шерсти в дни весенней линьки, выглядела подруга как всегда. Немножко осунулась, и под глазами темные круги, но это от усталости.

– Что так смотришь, думаешь, не заболела ли я?

– Сейчас же говори, что у тебя стряслось! – строго велела Ирина. – Я тебя все равно не отпущу!

– Ладно, – Катя взглянула на часы, – минут сорок у меня еще есть.

И они синхронно свернули в сторону кафе.

– Ирка, ты не представляешь, что со мной произошло! – начала Катя сразу, как только заказала два бутерброда с ветчиной, кусок торта со взбитыми сливками и корзиночку с фруктами.

Ирина вначале обрадовалась, что перед ней прежняя Катька, но потом не выдержала и нахмурила брови. Пришлось Катерине отказаться от калорийного капучино и взять просто черный кофе без сахара. На Ирину она глянула, явно ожидая одобрения своему героическому поступку, но никакого особенного одобрения не нашла. Решив, что обидеться она всегда успеет, а похвастаться можно прямо сейчас, Катя приступила к рассказу.

– Сплю я как-то утром, и вдруг звонок телефонный. Представляешь, так трезвонили, что пришлось вставать!

Ирина кивнула: она-то знала, что утром Катерину не разбудишь, даже если выстрелить под окном из пушки. Если и удавалось кому-то совершить такой подвиг, на этого человека изливался такой поток слов, что не позавидуешь. Ирина представила, что Катерина высказала неизвестному телефонному абоненту. Выходило, что ничего хорошего.

– Взяла я трубку и думаю, если не туда попали, то я прямо не знаю, что сделаю! – продолжала свое Катя. – Оказалось, как раз я им и нужна. Срочно, говорят, Катерину Дронову к телефону! Я – на часы, а там – восемь утра! Конечно, я рассвирепела. Вы что, говорю, с ума сошли в такое время творческого человека беспокоить? Даже прощения не попросили, а, видишь ли, им срочно! Там баба какая-то немного спеси поубавила. Извините, говорит, не

думали, что в такое время для вас рано. Какое такое время? Не знаю, говорю им, как вы, а я не на заводе работаю, так что встаю не рано, уж извините за прямоту.

– Ты, Катерина, нервная какая-то стала, – заметила Ирина. – Нельзя же так с незнакомым человеком разговаривать.

– Ты слушай, что дальше было! – перебила Катя. – Эта тетка мне и отвечает в таком духе, что она, мол, тоже не на ткацкой фабрике работает и не к семи на работу ходит. А работает она в художественной галерее «Арт Нуво», и рабочий день у них начинается в половине одиннадцатого. А сейчас второй час дня, так что она никак не думала, что меня побеспокоит. Я гляжу на будильник, а он, оказывается, стоит давно. А я все сплю и сплю...

– Ну ты хороша спать, – улыбнулась Ирина: всерьез сердиться на Катю она не умела. – А что дальше было?

– Разобрались мы с будильником, а потом та дама и говорит, что меня приглашают участвовать в выставке «Грани женственности» и, если я согласна, нужно прямо сегодня приехать к ним все обсудить.

– Слушай, но это же здорово! – восхитилась Ирина. – У тебя же еще ни разу не было выставки!

– Да, представляешь, – захлебывалась Катя, – это тебе не то что одну-две работы сунуть куда-нибудь, там их и не видно среди всех. А здесь не персональная выставка, конечно, нас трое, но все равно повезло!

– Я о них читала в каком-то журнале, и не раз, «Арт Нуво» – очень престижная галерея. Катя, у тебя дела теперь пойдут в гору!

– Эх, жаль, выпить шампанского нельзя, – вздохнула Катя, – мне еще сегодня в выставочную комиссию надо. Ничего, на открытии уже оттянемся как следует!

Она обрадовалась подошедшей официантке как родной и тут же взялась за очередной бутерброд.

– Одного не пойму, – спохватилась Ирина, – что же ты раньше ничего не сказала, радостью не поделилась?

– Сглазить боялась, – виновато улыбнулась Катя. – Сама знаешь, какая я в этом плане невезучая.

Что правда, то правда, здесь Ирина спорить не стала. Катины панно хоть и были, на ее взгляд, выполнены с фантазией и вкусом, почему-то продавались не быстро. Их общая подруга Жанна со свойственной ей прямотой заявляла, что Катя просто ленивая, работает медленно и что если бы она, Жанна, каждый раз, когда в ее нотариальную контору обращается перспективный клиент, ждала, когда ее посетит вдохновение, то давно уже протянула бы ноги и положила зубы на полку. Ирина, само собой, помалкивала, но в глубине души была с Жанкой согласна в том смысле, что Кате нужно быть с собой построже. Мало ли, не хочется работать! А ты себя заставь... Но она не вмешивалась, потому что точно знала, что скажет на это Катя. Дескать, Ирина слишком рассудочная и холодная, всегда сначала подумает, а потом уже делает, все знает наперед, никогда не отступает от намеченной цели и так далее. Разговор обязательно закончится ссорой, а этого Ирина как раз не хотела.

– Понимаешь, какая штука оказалась, – заговорила Катерина с набитым ртом. – Я потом у девочек в галерее выяснила. Они решили собрать вместе трех прикладных художниц. Какая-то бабуля с вышивками, потом баба одна, у нее металлоконструкции разные, а вместо меня была ткачиха. Нет, не ткачиха, а просто дама, которая ткет вручную холсты в старинной вологодской технике. Самое главное, что их нужно белить на первой росе. Или на первом снегу, точно не помню. Но только обязательно выходить нужно босиком!

– Красивые холсты? – оживилась Ирина.

– Не знаю, – отмахнулась Катя, – я их никогда не видела. Но это сейчас модно: ручная бумага, ручная керамика, ручные холсты, старинные рецепты... Короче, эта дама приготовила

десяток холстов для выставки, а тут к ней приехали невестка и внуки-близнецы шести с половиной лет.

– Из Вологодской области? – понимающе уточнила Ирина.

– Кажется. В общем, двое малолетних бандитов залили бабушкины холсты фиолетовыми чернилами. Невестка испугалась и постирала их в стиральной машине, причем решила, что раз холстина, то нужно стирать как постельное белье из хлопка – активный отжим и кипячение. Опять же понадеялась, что чернила отстираются.

– Ужас какой! – вздохнула Ирина.

– Ужас был, когда они вытащили из машины комков сиреневых ниток, – подвела Катя черту под этим сюжетом.

– Я бы на месте свекрови эту невестку вместе с бандитами самих запихнула в стиральную машину, – фыркнула Ирина.

– Наверное, она тоже хотела, – согласилась Катерина, – но не успела, от расстройства в больницу попала с нервным припадком. Новые холсты ей до выставки уже никак не сделать, это же первого снега нужно ждать. Жалко тетку, но мне зато повезло.

– Да уж.

Катя вдруг заторопилась, благо за разговором вся еда незаметно оказалась съедена.

– Завтра работы отвозить, а у меня еще конь не валялся. Потом три дня буду посвободнее – созвонимся.

Ирина поглядела вслед удаляющейся Каткиной фигуре в дурацком балахоне и поняла, что, если они с Жанкой немедленно не вмешаются, подруга их будет выглядеть на выставке как пугало. Конечно, в художественный процесс они вмешиваться не станут, Катерина сама знает, как и что ей изображать на своих панно. Но вот заняться Каткиным внешним видом просто необходимо.

Катя вихрем ворвалась в свою квартиру. В мастерской ее дожидалась последняя неоконченная работа, которую уже завтра нужно отвезти на выставочную комиссию.

Собственно, панно было практически закончено, но Катю что-то в нем не устраивало, чего-то такого здесь не хватало, какого-то последнего аккорда, что ли. Вот и сейчас, вбежав в мастерскую и включив яркий верхний свет, она тяжело вздохнула. Панно красовалось посреди комнаты, натянутое на специальную раму. На нем были два всадника, медленно едущие через ночной сад, точнее, всадник и всадница – прекрасный восточный принц в серебристой чалме и расшитом золотом наряде и красавица с миндалевидными глазами, томно поднятыми к небу. Арабские скакуны застыли, изогнув шеи и скосив глаза на седоков. Казалось, от панно исходит пряный аромат южной ночи, слышится пение соловья... Но чего-то все равно не хватало!

Катерина схватила за голову. Нужна была всего одна деталь, чтобы работа обрела законченный вид. Всего одна, но очень яркая деталь!

Обведя взглядом мастерскую и не найдя совершенно ничего подходящего, Катя решилась на ужасное преступление. Она воровато огляделась по сторонам и прокралась в кабинет мужа.

Собственно, красться не было никакой необходимости. Катин муж профессор Кряквин не услышал бы ничего, даже если бы она топала как слон и исполняла по пути обрядовые песни народов Севера, сопровождая их игрой на бубне. Профессор находился очень далеко, в другом полушарии, Катя даже не знала точно, на территории какого государства он может быть в эту минуту. Дело в том, что профессор занимался исследованием языков, традиций и верований африканских племен и в настоящее время кочевал по необозримым африканским просторам с племенем мгвангбе из племенного союза моси. Профессор очень понравился вождю, и его приняли в племя, что давало возможность написать новую главу в большой книге, над которой Кряквин работал последние годы. Муж ничего не сказал Кате заранее, просто поставил ее

перед фактом в тот самый день, когда не вернулся из экспедиции в Африку. Вспомнив, как она читала его письмо в аэропорту, Катя закусила губу от обиды. Ладно, сейчас некогда об этом думать, у нее срочное дело.

Муж строго-настрого запретил Кате что-нибудь трогать у себя в кабинете. Он много раз говорил, что в кабинете хранятся десятки шедевров африканских народных промыслов, представляющих большую научную ценность, но одержимая творческим жаром художница забыла о запретах. Она ворвалась в кабинет и застыла на пороге.

Стены кабинета украшали многочисленные африканские маски, луки из рогов антилопы, колчаны со стрелами, боевые щиты из толстой и прочной шкуры гиппопотама, копья-ассегаи с широкими разукрашенными наконечниками. На столе красовались фигурки из черного дерева – удивительно изящно вырезанные изображения зверей, людей и фантастических чудовищ. На полу лежали шкуры экзотических животных. Все это профессор Кряквин привез из своих путешествий.

Но Кате нужно было не это. Прямо с порога она устремилась к большому расписному сундуку, до краев наполненному разными африканскими безделушками. Она не сомневалась, что среди них отыщет что-то подходящее, что-то такое, что придаст ее панно окончательную завершенность.

Чего только не было в сундуке профессора! Здесь лежало все то, что он еще не успел разобрать: глиняная и медная посуда, оловянные и серебряные браслеты, бусы и ожерелья, ножи с резными ручками из черного дерева и слоновой кости, украшения и головные уборы из перьев страуса и каких-то других экзотических птиц, фигурки африканских божков, удивительные музыкальные инструменты. Катя с любопытством взяла в руку глиняную свистульку в форме фантастического двухголового животного и осторожно дунула в нее. Вместо обычного свиста раздался леденящий душу вой, похожий на голодное завывание какого-то хищного зверя, и Катя в испуге отбросила свисток.

Она перерывала содержимое сундука, не очень представляя, что именно надеется найти, но рассчитывая на свою интуицию художника.

И когда там почти ничего не осталось, а рядом на полу выросла огромная яркая груда, Катя увидела то, что искала.

Интуиция не подвела ее.

На самом дне сундука лежали два крупных лиловых камня, испускающие удивительное живое сияние.

Катя ахнула. Это было именно то, чего ей не хватало. Она схватила камни и бросилась в свою мастерскую. Мазнула камни специальным клеем, приложила их к верхней части панно, над головами всадников...

Вот теперь было то, что надо! Камни как будто оживили всю композицию. Восточная ночь задышала, наполнилась птичьим щебетом и журчанием ручейка, арабские кони, казалось, переступили копытами и негромко фыркнули. В небе загорелись две удивительные лиловые звезды. Кажется, арабы называли их Мицар и Алькор, Катя не была в этом уверена, но красивые арабские названия удивительно подходили этим живым звездам.

Несколько минут она любовалась своим панно. Теперь она была за него спокойна: работа удалась. Больше того, она не сомневалась, что это панно – лучшее ее произведение и станет главным экспонатом ее части выставки, а может быть, и украшением всей галереи.

Она вспомнила, что устроила настоящий разгром в кабинете мужа, и бросилась обратно наводить порядок. Только глубокой ночью закончила все дела и отправилась спать, предварительно погасив свет в мастерской. В темноте две лиловые звезды на ее панно лучились странным, фантастическим светом...

– И когда же открытие? – спросила Жанна, едва пригубив сухое вино.

Она, как всегда, была за рулем и позволяла себе всего несколько глотков легкого спиртного.

– Ой, девочки, – Катерина всплеснула руками, – через три дня! Сегодня, завтра, послезавтра, – она загибала пальцы, – и после-послезавтра в четыре часа выставка открывается! Я так волнуюсь, так волнуюсь, вы себе просто не представляете! – и Катерина сделала то самое, что она делала всегда, когда волновалась: начала усиленно есть.

Надо сказать, что ела она не только когда волновалась и переживала. Катька ела, когда радовалась или боялась, скучала или веселилась. Она ела меньше только когда работала, оттого-то Жанна и рекомендовала ей работать побольше – и денег, мол, заработаешь, и похудеешь малость. Катерина привычно отговаривалась тем, что она творческая натура и не может работать по заказу.

Подруги внимательно поглядели, как Катерина уничтожает четвертый кусок ветчины, заедая его маринованными огурцами и корейским салатом из бамбука, и дружно покачали головами. Потом Катька намазала булку неприлично толстым слоем масла, сверху положила здоровенный шмат красной рыбы и призадумалась, оглядывая стол. Жанна дернулась было, но Ирина придержала ее за руку. Катерина просветлела лицом, схватила веточку петрушки и всунула ее в бутерброд для красоты. Откусила огромный кусок, и на лице ее отразилось самое настоящее блаженство. Жанна с Ириной переглянулись и поняли, что, если они немедленно не вмешаются, будет поздно.

– Катерина, остановись! – закричала Жанна. – На тебя же просто смотреть невозможно! Катька поскорее запихнула в рот остальной бутерброд.

– Что ты как с голодного края! – вступила Ирина.

– Это вы как цепные собаки! – разозлилась Катька, которой испортили все удовольствие. – Что вы на меня набросились? Знаете, как я работала все эти дни! По двенадцать часов в сутки!

– Молодец, – Ирина решила разрядить обстановку, – не зря старалась. И сейчас нужно думать не о еде, а совершенно о другом.

– Вот именно! – вступила Жанна. – Так что кончай расслабляться и есть.

– Как это? – Катерина захлопала ресницами. – У меня еще торт есть, сейчас чай будем пить.

– Забудь! – дуэтом приказали подруги.

– Это почему же? – Когда Катерину лишали сладкого, она становилась очень агрессивной.

– Слушай, посмотри на себя в зеркало! – не выдержала Жанна. – Ты что, собираешься в таком виде идти на выставку? Катька, да тебя лошади испугаются, не то что посетители!

– Не совсем так, конечно, – Ирина решила несколько смягчить резкие слова, – но все же, Катюша, нужно что-то сделать с волосами. То, что у тебя на голове, прической считать никак нельзя.

– Дикобраз после электрошока! – фыркнула Жанна.

Катя обиженно заморгала, и Жанна слегка усовестилась.

– Ладно, кофе у тебя есть? Сама заварю! – Как всякая армянская женщина, она очень трепетно относилась к изготовлению этого напитка и превращала сам процесс в священнодействие.

Пока ее не было, Ирина проявила слабость и позволила Кате съесть кусок сыра. Правда, только один, и с большими дырками. Было слышно, как Жанка говорила на кухне по мобильному телефону.

– Все устроено! – объявила она, внося поднос с чашками и джезвой. – С утра перед выставкой идешь к Марианне, она тебя пострижет и уложит, а перед этим я записала тебя к Танечке, косметологу. Она сделает массаж лица и омолаживающую маску, морщины разгладит.

– У меня нет никаких морщин! – возмутилась Катя.

- Это тебе так кажется, – усмехнулась Жанна. – Вообще-то нужно бы еще к визажисту...
- Ой, не надо! – Катерина замахала руками. – Разрисуют меня, как стенку в лифте.
- Пожалуй, и правда, – нерешительно протянула Ирина. – Только с бровями нужно что-то обязательно сделать.
- А что брови? – встрепелась Катя.
- Это не брови, а две зубные щетки! – отрезала Жанна. – Причем изрядно облысевшие от долгого употребления. Ведь говорят же, что зубную щетку нужно менять не реже чем раз в три месяца, а брови...
- Тоже менять? – испугалась Катя.
- Выщипывать! И придавать форму!

Косметолог Танечка оказалась полной улыбчивой женщиной. Она встретила Катю как дорогую гостью, немедленно уложила на кушетку и лишила возможности передвигаться. Катя только диву давалась, сколько времени, оказывается, можно заниматься ее лицом. Волшебница Танечка наносила разные кремы и разглаживала лицо клиентки ласковыми руками. В кабинете играла тихая музыка, и Катя понемногу стала задремывать. Очнувшись, она, когда Танечка, нанеся особенно толстый слой какой-то ароматной субстанции, замотала ее лицо прозрачной пленкой, какой в буфете оборачивают бутерброды, так что открытыми оставались только ноздри и рот. Танечка поглядела на свою работу, покачала головой и решительно заклеила еще и рот. Затем она вышла из кабинета, велев клиентке лежать тихо и не опускать подбородок. Куда уж его опускать, когда он тоже был намертво прихвачен слоем пленки. Катя моргнула глазами в знак того, что слышит, и тихонько задышала, покорившись судьбе.

В комнате было тихо, даже музыка куда-то пропала. Кате было скучно за ширмой, но тут в кабинет кто-то вошел и окликнул Танечку. Поскольку та не отозвалась, дама вышла было, но сразу заскочила снова, и не одна, а с приятельницей. Обе дамы были так увлечены разговором, что им и в голову не пришло проверить, есть ли кто за ширмой.

– Нет, ну ты представляешь? – кипятилась одна. – Это просто ни в какие ворота не лезет! Что она себе позволяет? Ведь до чего дошла – увела у Свиристицкой любовника прямо у всех на глазах! Это просто совершенно ни на что не похоже!

– Это когда же? – заинтересовалась вторая дама.

– Ой, да ты же ничего не знаешь! – спохватилась первая. – Ты же только вчера с Майорки! У Свиристицкой новый любовник – чудный мальчик из провинции, молодой и абсолютно неиспорченный. В общем, на той неделе Свиристицкая справляла свой непонятно какой день рождения в «Империале», и эта тоже туда приперлась. Главное, Свиристицкая сама ее пригласила! Праздник идет своим чередом, Свиристицкая, как обычно, в конце напивается в зюзю и начинает скандалить со своим бывшим мужем.

– Баранкиным? – уточнила вторая собеседница.

– Какой Баранкин? – оторопела первая. – Ты все перепутала! Баранкин – это первый муж Аньки Лапченко, а у мужа Свиристицкой фамилия какая-то деревянная... сейчас скажу...

– Скамейкин! – радостно завопила другая дама.

– Да нет же, вовсе не Скамейкин, а Коромыслов! Слушай, у меня такое чувство, что ты не две недели на Майорке загорала, а два года. Ничего не знаешь!

Вторая дама пристыженно молчала.

– В общем, пока Свиристицкая выясняла отношения со своим Коромысловым, эта притворилась, что выпила лишнего и буквально заставила Стасика, любовника Свиристицкой, отвезти себя домой. Когда все знают, что больше рюмки она никогда не выпьет, потому что всегда за рулем. Вот, а потом уж она Стасика так прибрала к рукам, что он на Свиристицкую и смотреть не захотел. Да я сама позавчера видела Стасика с этой!

– Что они все в ней находят? – вздохнула вторая дама. – Смотреть же не на что – черная, худая, еще нос, как у вороны.

– Да уж ясно, что не красоту! – возопила первая. – Знаешь, сколько денег при ее профессии можно огрести? А уж она-то, будь спокойна, каждого клиента оциплет, как курочку!

Катя за ширмой почувствовала смутное беспокойство и стала более внимательно вслушиваться в разговор.

– Но Свиристицкая этого так не оставит, она мне сама говорила, – злилась более осведомленная дама. – Она задумала страшную месть. Подошлет к ней клиента и подловит эту стерву на черной наличке. А потом напустит на нее налоговую, у нее же там о-го-го какие связи! Если ее лицензии не лишат, то нервы точно потреплют, и денег придется отстегнуть. Будет знать, как чужих любовников отбивать!

«Это же они о Жанке говорят! – осенило Катю. – Все сходится: она постоянно за рулем, потому не пьет совсем, любовников вечно меняет, причем предпочитает совсем молодых, и у нотариуса могут отнять лицензию! Опять же брюнетка, худая и с большим носом. Да еще она в этом салоне часто бывает, ее все знают!»

Дамы посудачили еще немного и вышли, очень недовольные продолжительным отсутствием Танечки. Катерина решительно спустила ноги с кушетки, намереваясь найти телефон и немедленно позвонить Жанне, предупредить, чтобы была осторожнее, но ее благим намерениям не суждено было осуществиться. В комнату стремительно вошел невысокий молодой человек в розовом халатике и ласково спросил:

– Лапочка, это вашу голову просили привести в порядок?

Катя неуверенно кивнула.

– Чудненько! – обрадовался молодой человек. – У меня как раз есть свободное время. И вам, лапочка, как я погляжу, здесь делать нечего, так что совместим приятное с полезным, – он деликатно хихикнул.

Катерина, подталкиваемая мягкими, но настойчивыми руками молодого человека, послушно дала себя увести в другую комнату. Там были зеркало во всю стену и вертящееся парикмахерское кресло. Молодой человек разлохматил и без того встрепанные Катины волосы и критически оглядел ее со всех сторон.

– Та-ак, – пропел он. – Лапочка, здесь есть над чем поработать. Думаю, прежде всего нужно изменить цвет.

Катя пыталась сказать, что цвет как раз нужно оставить как есть, а волосы просто подстричь и уложить, но проклятая пленка намертво прилипла к губам, так что она могла издавать только нечленораздельное мычание. Молодой человек замотал ее простыней, теперь руки тоже оказались накрепко прижаты к телу, и Катя не могла объясняться даже жестами. Двигаясь вокруг пленницы на носочках и слегка пританцовывая, мастер что-то делал с ее волосами: надевал какие-то штуки на отдельные пряди, что-то смешивал и толоч в фарфоровой ступке, потом разбавлял все это странной жидкостью из большой непрозрачной бутылки, наливал в три разные мисочки и намазывал их содержимым Катины волосы. Бедная жертва парикмахерского искусства отчаялась что-то понять в этих манипуляциях и покорила судьбе.

– Девочкой своей ты меня назови! – звонко напевал мастер. – А потом обними, а потом обмани...

Поймав в зеркале Катин удивленный взгляд, он кокетливо рассмеялся и послал ей воздушный поцелуй. Чтобы не видеть этого безобразия, Катя прикрыла глаза и стала перебирать в уме невольно подслушанный разговор двух дам. Главное, все в точности передать Жанне, уж она примет меры, а то как бы и вправду эти тетки не устроили ей неприятности по работе.

Так прошло минут сорок. Молодой человек куда-то ненадолго отлучился, потом вернулся вместе с Танечкой, которая потеряла клиентку и очень обрадовалась, когда Катя нашлась.

Дальше все было очень быстро. Размотали пленку, очистили лицо, и молодой человек, которого звали Леликом, мигом постриг и причесал Катю.

– Прошу! – сказал он, ловко снимая простыню. – Любуйтесь!

Катя открыла глаза и уставилась в зеркало. С зеркалом творилось что-то странное. Вместо Кати Дроновой там отражалось существо непонятного пола с разноцветными волосами. На темно-рыжем фоне в живописном беспорядке располагались розовые и сиреневые пряди.

– Ой! – пискнула Катя, и монстр в зеркале тоже дернулся и прижал руки к пылающим щекам.

– Нравится? – заулыбался Лелик. – Уж я постарался.

Катя осторожно повернула голову и снова поглядела в зеркало. Она не могла не признать, что оттенки подобраны со вкусом. Другое дело, что на ее голове такие цвета смотрелись как-то необычно. Может быть, в оперении райской птицы они были бы более уместны. Лицо Танечки было каменным. Она-то прекрасно помнила, что Катерину нужно было после массажа отвести к Марианне, и ожидала, что клиентка сейчас начнет скандалить. Катерина же просто потеряла дар речи. К тому же она ужасно устала с непривычки. Потом она взглянула на часы и поняла, что жутко опаздывает. Жанна обещала подхватить ее возле салона и отвезти домой. Катя махнула рукой, улыбнулась Лелику и решила оставить все как есть, тем более все равно ничего уже не изменишь.

Жаннин автомобиль стоял чуть поодаль, из окна выглядывала озабоченная Ирина. На Катю она не обратила внимания – не узнала в таком виде.

– Девочки, – сказала Катерина, неизвестно отчего чувствуя себя виноватой, – вот же я...

Подруги уставились на нее, выпучив глаза и разинув рот. Жанна опомнилась первой. Она закрыла рот, потом снова его раскрыла, чтобы выдать такое, отчего у Кати покраснели и без того малиновые щеки.

– Это конец, – обреченно сказала Ирина.

– Зачем ты, дубина стоеросовая, пошла к Лелику? – бушевала Жанна. – Я же записала тебя к Марианне, все было бы скромненько и со вкусом!

– Это случайно, – лепетала Катя. – Он перепутал, а я не могла ничего сказать, у меня рот был заклеен...

– Пойду хоть поскандалю! – Жанна сделала попытку вылезти из машины.

– Некогда! – решительно сказала Ирина. – Нужно еще одежду к этим ультрафиолетовым волосам подобрать.

Дома стало ясно, что катастрофа неминуема. С новой Катиной прической совершенно не сочетался шикарный терракотовый костюм, купленный не так давно по рекомендации Жанны в бутике «Венеция». Костюм обошелся не так уж дорого, поскольку был заказан богатой покупательницей и ей не подошел, а продать костюм такого размера клиенткам дорогого бутика было никак невозможно. И вот здесь очень кстати в бутике появилась Катерина.

Жанна с Ириной очень рассчитывали на этот костюм. Это была единственная действительно приличная вещь в Каткином гардеробе. И вот теперь все их надежды пошли прахом.

– Полный облом! – Жанна плюхнулась на диван и нервно закурила.

– Купить ничего уже не успеем, – сокрушалась Ирина. – Катка, да прекрати ты есть, до того ли сейчас!

– С утра маковой росинки во рту не было! – огрызнулась голодная Катя. – Голова кружится, еще в обморок на выставке упаду. А вы только нервируете!

Подруги усовестились и решили перебрать все Катины вещи, потому что больше ничего не оставалось.

Ревизия Каткиного гардероба, как обычно, привела их в ужас. Вещей-то было полно, потому что Катя долгое время колесила по Европе и покупала там одежду на распродажах и

в недорогих магазинчиках. В основном она руководствовалась одним принципом – удобства. Горой были навалены в шкафу длинные трикотажные свитера всевозможных расцветок, свободные хлопчатобумажные брюки, необъятные джинсовые сарафаны и замшевые жилетки с бахромой в стиле кантри.

– Все не то! – в отчаянии воскликнула Ирина, выныривая из шкафа. – Показывай платья!

– Знаю я ее платья, – ворчала Жанна, – балахон какой-нибудь напялит и говорит, что это платье. Да еще цвет норовит выбрать зелененький.

– Оливковый! – обиделась Катя. – Или вот бежевое, тоже ничего...

– Повеситься! – синхронно закричали подруги.

– А это что? – Ирина вытащила что-то полосатое, как брюшко у шмеля.

– Ой, – обрадовалась Катка, – а я его потеряла!

Она мигом нацепила полосатое платье и покрутилась перед зеркалом. Платье было прямое и довольно длинное, в поперечные черные и малиновые полосы, причем черные полосы были кожаными, а малиновые – из плотного трикотажа. Платье натягивалось на Каткиной круглой фигуре, так что несведущий человек издали мог подумать, что на даме надеты плотно штук двадцать шин от велосипеда.

– Это я в Падуе покупала на воскресном рынке, – щебетала Катя. – Дай, думаю, возьму, черное стройнит!

Подруги переглянулись: какая женщина в здравом уме может подумать, что ее будет стройнить платье в поперечные черную и малиновую полосы?

– Однако, – пробормотала Ирина, – только это платье и подходит к Каткиной новой причёске.

– Ты с ума сошла! – Жанна замахала руками.

– Слушай, что ты на меня давишь! – возмутилась Катерина. – Я же не на экономический форум иду и не в банк на работу устраиваться! Зачем мне на выставке деловой костюм?

– Делайте, как знаете, – поморщилась Жанна. – Теперь уже все равно.

Она засобиравалась на работу, Ирина тоже подхватила, оставив Катю заканчивать сборы самостоятельно. Условились встретиться на открытии.

Ирина и Жанна приехали в галерею за несколько минут до начала вернисажа. Предъявив пригласительные билеты, они прошли в длинный зал, который понемногу заполняли гости.

Ближе к входу стены украшали вышивки самых разных размеров. Сюжеты в основном перепевали известные картины. Великие полотна были аккуратно исполнены в натуральную величину простым болгарским крестом. Поражала своими размерами копия картины Шишкина «Утро в сосновом лесу», хорошо известной каждому нашему соотечественнику по конфетным фантикам. Рядом с этим популярным шедевром красовалась репродукция серовской «Девочки с персиками».

– Со школьных времен ненавижу эту картину, – прошептала Жанна.

– Я тоже, – призналась Ирина вполголоса. – Однако крестики очень аккуратные.

Пройдя немного дальше, они увидели целую серию выполненных гладью портретов бородастых мужчин в священнических облачениях. Среди батюшек затесалось несколько руководителей государства. Ирина обратила внимание на портрет бывшего президента Ельцина с теннисной ракеткой в руке, вышитый цветным ирисом.

Рядом с этими впечатляющими творениями скромно стояла щуплая старушка в коричневом платье с белым школьным воротничком. У старушки были круглые румяные щеки, напоминающие печеные яблочки, а сама она в этот момент разговаривала с высоким представителем священника.

– Объясни мне, – негромко обратилась Жанна к подруге. – То ли я чего-то не понимаю, то ли мы ошиблись и приехали не в ту галерею. Ведь Катка говорила, что здесь будет выставка

современного искусства, а такие вышитые картины были в моде лет пятьдесят назад, если не больше. Помню, моя бабушка на досуге вышивала уменьшенную копию картины «Витязь на распутье». Она занималась этой вышивкой несколько лет, но ей тогда и в голову не пришло бы выставлять свое рукоделие в выставочном зале.

– Тсс. – Ирина прижала палец к губам. – Во-первых, православие гладью и крестиком – это очень актуально. А во-вторых, Катька мне все объяснила: эта старушка, автор вышивок, у нее, кстати, очень и имя подходящее – Евдокия Лукинична, так вот эта Евдокия в большой дружбе с отцом Онуфрием, настоятелем Коневецкого собора, и настоятель из церковных средств оплатил проведение выставки. Кажется, это с ним она сейчас разговаривает.

– А, – Жанна понимающе кивнула, – спонсор! Тогда все ясно.

Торопливо миновав произведения престарелой вышивальщицы, подруги невольно затормозили. Им показалось, что они попали в цех металлургического завода или как минимум в авторемонтную мастерскую. Зал галереи, в который они вошли, был заполнен конструкциями, сваренными из стальных трубок, балок, заржавевших металлических полос и деталей от различных устройств и механизмов. Посреди этого царства металла стояла женщина лет тридцати в платье из блестящих алюминиевых пластин, в кожаном летном шлеме и тяжелых ботинках на десятисантиметровой платформе. Около дамы сгрудилась толпа журналистов, наперегонки щелкающих фотокамерами, протягивающих к ней микрофоны или торопливо строчащих что-то в блокнотах.

– Эта композиция, я называю ее «Последний из металлоидов», изображает мыслящего робота, выжившего после ядерной катастрофы. Это сочетание заржавленного, изъеденного коррозией металла и блестящих хромированных деталей говорит нам о противоречивых чувствах, наполняющих его душу при виде догорающих руин человеческой цивилизации. Цепь, которую мы видим в левой части композиции, символизирует нерасторжимую связь последнего из металлоидов с вымершим человечеством.

– Хорошо излагает, – прошептала Жанна на ухо подруге. – А эта самая «нерасторжимая связь» в левой части мыслящего металлоида тебе ничего не напоминает?

– Ой! – восхитилась Ирина. – Это же цепочка от старого унитаза! Когда я была маленькой, бачки устанавливались наверху, под самым потолком, и сбоку свисала точно такая цепочка с фаянсовой бомбошкой, за которую нужно было дернуть, чтобы спустить воду.

– Точно, – подтвердила Жанна. – Интересно, где она эту цепочку откопала? Их, наверное, уже лет сорок не делают.

Журналисты, плотным кольцом окружавшие железную леди, ловили каждое ее слово и непрерывно фотографировали.

– Это и есть Антонина Сфинкс, – прошептала Ирина, – великая и ужасная! А самое ужасное в ней то, что она сейчас с Катькиным бывшим мужем.

– Что сейчас?.. – переспросила Жанна.

– Жанка, ты прямо как с луны свалилась! Совершенно не интересуешься жизнью богемы! Она живет с ним.

– Замужем за ним, что ли?

– Не то чтобы совсем замужем, но практически да.

– Пойдем тогда скорее отсюда, нам здесь нечего делать! – Жанна пригнулась, как опытный солдат под обстрелом, и проскользнула мимо Антонины и окружающих ее журналистов.

Следующая часть галереи была отведена под Катину экспозицию.

На стенах разместились яркие панно, после металлоконструкций Антонины Сфинкс показавшиеся подругам исключительно привлекательными. Особенно красивым было одно, изображавшее двух всадников, мужчину и женщину, медленно едущих на арабских конях по ночному саду. Над головой прекрасных всадников сияли лиловые звезды, свет которых наполнял всю картину.

Катя стояла под этим панно и грустно оглядывалась. Возле нее не было ни зрителей, ни журналистов. Ее разноцветная прическа, напоминающая веселый светофор, удивительно контрастировала с печальным выражением лица, и даже полосатое платье не спасало положение.

– Ой, девочки, хорошо хоть вы пришли! – обрадовалась она при виде подруг. – А то я стою здесь в гордом одиночестве, как стойкий оловянный солдатик...

– А теперь мы будем как три тополя на Плющихе, – ляпнула Жанна.

Ирина толкнула ее кулаком в бок и жизнерадостно зашебетала:

– Не переживай, Катюша, еще просто мало людей пришло, выставка только открывается. Скоро набегут и зрители, и журналисты, яблоку негде будет упасть! А твои работы лучше всех, никакого сравнения! Так что тебе гарантированы самые блестящие отзывы!

– Не утешай меня, – вздохнула Катерина, – я же вижу, какая толпа возле Тонькиных железок. Скажи честно, тебе-то самой мои панно нравятся?

– Очень! – искренне воскликнула Ирина. – Они такие жизнерадостные, такие яркие! Мне как-то сразу легче стало на душе. Особенно вот это нравится, – и она кивнула на всадников.

– Правда? – Катя зарделась. – Это самое последнее, я его буквально накануне выставки закончила. Оно мне и самой больше всех на душу легло. Правда, последняя работа всегда кажется лучшей.

– И хорошо! – с наигранной жизнерадостностью воскликнула Ирина. – Главное, чтобы тебе самой нравилось! Мнение равнодушной толпы ровным счетом ничего не значит. Художник – сам высший судья своим творениям. Не помню, кто это сказал...

– Наверняка какой-нибудь неудачник, которого обошли ежегодной премией, – проворчала Катя. – Хорошо тебе говорить, твои книжки расходятся большими тиражами, пресса тебя замечает. А ко мне хоть бы один журналист подошел... А вон посмотри, вокруг Антонины журналисты так и вьются!.. Что они находят в ее заржавевших мясорубках?

– Подержанных газонокосилок! – подхватила Ирина.

– Вышедших из строя унитазов! – внесла свою лепту Жанна.

– А все-таки около нее толпа, – вздохнула Катя. – Девочки, а что она все время на меня шипит, как беременная кобра, прямо ядом плюется?

– Катюшка, я просто поражаюсь твоей наивности. Неужели не понимаешь? – фыркнула Жанна. – Ведь твой бывший теперь с ней.

– И что? Вот если бы наоборот, тогда еще можно понять... И вообще, мы с Шуриком очень мирно расстались. Совершенно без скандала, как интеллигентные люди...

– Ты так считаешь? – возмутилась Жанна. – Ты уже забыла, как он тебя загнал в дремучую коммуналку! Твой Шурик – самый настоящий козел и первостатейный жлоб!

– Да ладно, я на него зла не держу. Тем более теперь я замужем, у меня все хорошо. У меня есть Валек...

Жанна хотела сказать, что муж, годами кочующий по африканским саваннам с дикими племенами, – вряд ли это то, о чем мечтает каждая нормальная женщина, но Ирина благо временно прочла ее мысль и ткнула локтем в бок. Жанна охнула и покосилась на подругу, буркнув недовольно что-то насчет некоторых тетех, святость которых граничит с глупостью.

– А кто это там приехал? – с напускным энтузиазмом поинтересовалась Ирина, чтобы перевести разговор на менее опасную тему.

У входа в галерею действительно наметилось оживление. К дверям с озабоченным видом пробежал администратор, откуда-то появились крепкие ребята с профессионально непроницаемыми лицами, журналисты покинули Антонину Сфинкс и потянулись к входу.

Двери широко распахнулись, и в зале в окружении небольшой свиты возник высокий чернокожий человек.

– Это атташе по культуре Кот-де-Леона, – прошептала Ирина. – В газетах писали, что он собирается посетить эту выставку.

– Какой кот? – удивленно переспросила Катя.

– Тундра! Это страна такая в Африке – Кот-де-Леон! Уж тебе стыдно не знать, у тебя муж – главный специалист по Африке.

– Действительно... – Катя расстроилась. – У меня самой в школе была пятерка по географии, но что-то я такой страны не помню. А этот атташе очень прилично выглядит. И одет в смокинг, а не в национальный костюм из шкур и перьев.

Атташе неторопливо прошел мимо ностальгических вышивок, ненадолго задержался у металлоконструкций Антонины Сфинкс и наконец подошел к Катиной экспозиции. Вслед за ним продвигалась небольшая группа его сотрудников, чуть сзади держались журналисты. Сам атташе, конечно, очень выделялся на фоне своего окружения – как породистый арабский скакун выделяется среди заморенных кляч, как борзая отличается от стаи дворняжек.

Он был высок и строен, как пальма. Он был черен, как безлунная африканская ночь. Отлично сшитый смокинг облегал его, как вторая кожа. Зубы атташе сверкали, как тридцать две превосходные жемчужины. Белки его глаз отливали предрассветной голубизной.

Неожиданно этот удивительный человек замер перед панно с двумя всадниками в благоухающем ночном саду и возбужденно заговорил на незнакомом гортанном языке. В его монологе постоянно повторялись слова «унга вароси». Может быть, они звучали не совсем так, но ничего более похожего европейский слух трех подруг не мог воспроизвести.

Заметив явный интерес высокого гостя, журналисты тоже оживились. Они принялись торопливо снимать Катины работы, а заодно и саму художницу. Рослый телевизионщик в потертом джинсовом костюме забегал вокруг Катерины с огромной камерой. Ирина скосила глаза на Антонину Сфинкс и увидела, что железная леди перекосилась, как будто по ошибке проглотила целый лимон.

Переводчик, сопровождавший атташе, кругленький лысый толстячок с нездоровым желтоватым лицом, прилепил на лицо дежурную улыбку и заговорил, обращаясь почему-то к Ирине:

– Господин атташе выражает вам свое искреннее восхищение. Ваши замечательные произведения поразили его своей поэтичностью и художественной глубиной.

– Это не мои произведения. – Ирина вытолкнула вперед покрасневшую от смущения и ожесточенно сопротивляющуюся Катерину. – Вот автор этих панно, художница Екатерина Дронова.

Журналисты с новой силой защелкали камерами и заскрипели перьями. Переводчик, нисколько не смутившись, повернулся к Кате и продолжил с той же приклеенной улыбкой:

– Особенно господину атташе понравилась вот эта работа, на которой изображены два всадника.

– Унга вароси! – взволнованно перебил атташе переводчика и добавил что-то вроде «детуаль».

– Это по-французски, – шепнула Катя, – означает «блуждающие звезды».

– Уж как-нибудь мы и сами поняли, хоть французского не знаем, – сердито сказала Жанна.

– А как он догадался, что композиция называется именно так? – удивилась Катерина.

– А ты спроси, – ехидно посоветовала Жанна.

Катя послушно заговорила с атташе по-французски. Он сверкнул белозубой улыбкой, и они с Катей углубились в живейшую беседу.

– Интересно, зачем ему переводчик с африканского, если он так хорошо говорит по-французски? – прошептала Ирина на ухо Жанне.

– Положено по статусу, – ответила подруга и добавила:

– Но Катьке повезло! Такой пиар! Во все газеты попадет!

– Это мое последнее произведение, – еле слышно ответила смущенная Катя, обращаясь к белозубому атташе и журналистам, – я закончила его буквально накануне открытия выставки...

Атташе снова заговорил по-своему, и переводчик поспешно перевел:

– Господин атташе интересуется, когда госпожа Дронова побывала в его стране, Кот-де-Леоне.

– Никогда, – честно призналась Катерина, – я в Африке ни разу не была. Хотя очень хочу.

Атташе понял ее без перевода. Он пожал плечами и выразил на лице глубокое неодобрение. Должно быть, в его глазах человек, не побывавший в его родной стране и вообще в Африке, был недостоин внимания. Во всяком случае, он еще раз внимательно посмотрел на панно, развернулся и пошел к выходу, на ходу выговаривая что-то переводчику. Переводчик почтительно возражал. Вместо того чтобы наказать непокорного толмача тут же на месте, атташе вдруг повернулся и таким же решительным шагом устремился назад. Поравнявшись с Катей, он оттолкнул джинсового телевизионщика и разразился длинной французской фразой. Катерина взглянула на него в полном изумлении, зарделась и стала неуверенно возражать. Атташе настаивал, глаза его сверкали.

– Что он говорит? – Жанна ткнула подроспевшего переводчика в бок.

Тот поглядел выразительно, и до Жанны сразу дошло, что перед ней хоть и переводчик, но служит он только своему атташе, а к ней в толмачи не нанимался. Катя наконец кивнула, но как-то замедленно. Атташе еще раз сверкнул белозубой улыбкой и удалился.

Часть журналистов устремилась за ним, остальные плотным кольцом окружили Катерину и буквально засыпали ее вопросами. Катя расцвела. Она отвечала невпопад, но это никого не смущало. Блестели вспышки фотоаппаратов, щелкали диктофоны, оператор перетаскивал свою камеру по залу, выискивая самый выигрышный ракурс. Ирина с Жанной держались в стороне.

Поблизости раздавалось злобное шипение. Это брошенная журналистами Антонина Сфинкс плевала ядом на свои собственные художественные металлоконструкции. Их разъедало, как будто на металл попала неразбавленная соляная кислота.

Престарелая вышивальщица все так же стояла перед портретами известных политиков и церковных деятелей, вышитых честным болгарским крестом. Благообразный священник куда-то испарился. Ирине надоело, что ее все время толкают журналисты, а телевизионщики наступают на ноги, и она тихонько отошла. С опаской она миновала металлические конструкции и остановилась возле бабули-рукодельницы поговорить о технике вышивания. Старушка оживилась и сообщила множество полезных сведений о вышивании гладью и узелками, а еще о том, как делать мережку, ришелье и аппликацию. Ирина похвалила работы, бабушка зарделась от удовольствия и подарила приятной собеседнице собственноручно выполненную подушечку для иголок.

Телевизионщики смотали наконец свои провода и отбыли восвояси, пообещав напоследок, что сюжет будет в сегодняшних вечерних новостях. Журналисты прекратили строчить в блокнотах и тоже потянулись к выходу. Немногочисленные посетители осматривали Катины панно весьма благосклонно. Ирина направилась к Кате, раздумывая на ходу, как бы улизнуть пораньше, но так, чтобы подруга не обиделась. У нее еще масса дел, а Катька, конечно, настроилась на праздничный ужин с шампанским. Если испортить ей праздник, она никогда не простит.

Ирина вздохнула и шагнула ближе. Возле металлических творений Антонины Сфинкс полный мужчина с длинными рыжеватыми волосами обнимал двух визгливо хохочущих девиц. Подойдя ближе, Ирина поняла, что девицы далеко не первой молодости и не то чтобы совсем трезвые. Антонина в центре этой группки фальшиво смеялась и делала вид, что все прекрасно. Еще с ними ошивался какой-то тип, худой и незаметный. Ирина прошла было мимо них,

но вдруг что-то показалось ей знакомым в повороте головы и движениях полного мужчины. У этого типа была странная прическа: по причине неравномерной седины его волосы казались пегими, и только спереди белел аккуратный клок. В целом голова напоминала меховые кроличьи шапки, которые носили в советские времена обычные люди, то есть те, у кого не нашлось подходящего знакомства в сфере торговли, чтобы достать приличный головной убор. Мех назывался «кролик серо-заячий», и от нужды такого кролика носили едва ли не девяносто процентов всего мужского населения страны.

Мужчина поднял свою серо-заячью голову, и Ирина узнала в нем Катиного первого мужа Александра Коврова. Естественно, где ж ему быть, когда его Антонина тусуется здесь со своими железяками. Вид у Шурика был не слишком довольный. Да и с чего ему радоваться, если подумать? Понятно же, какую сцену устроит дома Антонина из-за того, что у Кати неожиданно случился такой успех.

Ирина, конечно, была с Шуриком в свое время знакома, но не слишком близко. Они дружили с Катей давно, и муж у Катки тогда был, но как-то быстро весь вышел. Тем не менее сейчас, увидев ее, Шурик весьма оживился.

– Привет! – Он шагнул к Ирине, бросив свою Антонину. – Рад тебя видеть! Отлично выглядишь, слышал о твоих успехах!

Ирина не успела удивиться и сказать в ответ дежурную любезность, потому что Антонина Сфинкс дернула Шурика за рукав. Пришлось как можно быстрее ретироваться, поскольку спину уже прожигал ненавидящий взгляд.

Возле Кати тем временем появился новый персонаж – совершенно лысый мужчина с бегающими глазками.

– Это еще кто? – шепотом спросила Ирина недовольную Жанну.

– Черт его знает, – ответила та, – представился неразборчиво. Вроде журналист, только непонятно от какой газеты. Не то «Невский вестник», не то «Петербургский курьер», не то вообще «Ленинградский почтальон». И вообще он какой-то скользкий и подозрительный.

Непонятный тип между тем взял Катину руку и прижал ее к сердцу, всячески выражая свою признательность.

– Удивительно! – визжал он. – Восхитительно! Просто божественно! Вы покорили мое сердце!

– Да? – удивилась Катерина и отняла наконец руку.

– То есть не вы, а ваши работы! – опомнился лысый тип. – Отчего я раньше их не видел? Я очень многое потерял! Я должен немедленно сделать о вас большой репортаж! На целую полосу, и непременно с цветными фотографиями! Мы должны встретиться в неформальной обстановке!

– Конечно-конечно, – растерянно лепетала Катя. – Непременно.

– Я должен обязательно увидеть все ваши работы, ведь, как я понимаю, здесь представлены далеко не все?

– Разумеется! – расцвела Катерина. – У меня очень много работ. Конечно, одна выставка не дает полного представления...

– Я должен их посмотреть!

– Подозрительный какой-то тип, – прошептала Ирина на ухо Жанне. – Что он к Катке прицепился? Домой напрашивается, а она и рада. Как-то он мне не нравится.

– Мне тоже, – кивнула Жанна и вмешалась: – Минуточку! – Она сумела вклиниться между Катей и лысым. – Мы не расслышали, из какого вы издания.

– Разве я не сказал? «Петербургский радиослушатель». Очень популярная газета! Огромный тираж!

– Вот как? – Жанна переглянулась с Ириной. – А мне послышалось... впрочем, наверное, я ошиблась. Визиточку не подарите?

– Ох, – лысый хлопнул себя по лбу, – визитки, к сожалению, закончились. Раздавал, понимаете, направо и налево, вроде и взял много, а ни одной не осталось. Так когда я смогу вас увидеть?

Не обращая внимания на Жаннины знаки, Катерина продиктовала лысому свой телефон. С трудом отвязавшись от странного типа, Катя перевела дух и подошла к подругам:

– Девочки, как вам это все? Не надоело?

– Как тебе сказать, чтобы не обидеть... – протянула Ирина.

– Зачем ты дала свой телефон этому подозрительному типу? – процедила Жанна. – Он мне очень не понравился!

– Да ладно тебе, – Катя отмахнулась. – Самый обыкновенный журналист. И вообще, девочки, я что-то устала.

К счастью, торжественное открытие выставки подошло к концу.

– Куда пойдем шампанское пить? – деловито поинтересовалась Жанна, выходя.

– Понимаете, девочки, – Катерина отвела глаза и покраснела, – я не могу. Меня пригласили в ресторан.

– Как это? – вскинулась Ирина. – И кто тебя пригласил?

– И самое главное, когда он успел? – подключилась Жанна. – Вроде ты все время на глазах была.

– Это тот самый атташе из Кот-де... в общем, вы его видели. – Катерина выглядела совершенно несчастной. – Я не могла ему отказать! Он был так настойчив!

– Это почему же? – зловеще спросила Жанна. – Чем он тебя покори?

– Он интересный собеседник, – приготовилась защищаться Катя. – И, между прочим, в Сорбонне целых пять лет учился!

– Девочки, не ссорьтесь, – Ирина встала между подругами, – люди же смотрят. Жанка, оставь ее в покое, пускай едет куда хочет, в конце концов она уже большая девочка. Не съест же он ее, на самом-то деле.

– Ты в этом уверена? – протянула Жанна. – Как раз это у него на родине, по-моему, в порядке вещей.

– Думаю, в Сорбонне его от этого отучили.

В этот момент откуда-то вывернулся Каткин бывший серо-заячий Шурик.

– Катерина, – закричал он и радостно раскрыл объятия, – как же я не успел тебя поздравить! Головокружительный успех! Рад за тебя, рад!

– Шурик! – расцвела непосредственная Катка и тут же полезла целоваться. – Я тоже очень рада тебя видеть, дорогой мой!

Только Ирина обрадовалась, что в обозримом пространстве нет Антонины Сфинкс, как та возникла из двери, как привидение в шотландском замке, и поглядела Катерине в спину с такой ненавистью, что Ирина невольно поежилась от дурного предчувствия.

Шурик с Каткой обнимались и начали уже вспоминать молодые годы, как вдруг подъехал черный лимузин, и шофер в форме с галунами предупредительно открыл дверцу. Катка вырвалась из объятий бывшего мужа, сделала подругам ручкой и уселась в машину.

– Делай после этого людям добро, – проворчала Жанна. – Возились с ней, а она даже отметить с нами не захотела...

Скрежет зубов Антонины Сфинкс был слышен на весь район.

Худощавый мужчина с бегающими глазками подошел к стоящей у тротуара темно-красной машине. Он остановился возле нее с таким подозрительным видом, что пенсионер Сироткин, выгуливавший неподалеку таксу Дусю, предположил, что неизвестный собирается снять с машины зеркала и «дворники». Чтобы не нарваться на неприятности, пенсионер поскорее развернулся и поспешил в обратную сторону. Дуся очень удивилась: обычно они доходили

до круглосуточного магазина и только тогда поворачивали к дому. Сегодняшняя прогулка ее вообще разочаровала: на всем пути они не встретили ни одной знакомой собаки. Да что там, даже кошка не подвернулась, за которой можно было бы от души побегать.

Однако события развивались по другому сценарию. Дверца красной машины распахнулась, и подозрительный мужчина сел на переднее сиденье рядом с женщиной в черных очках.

– Деньги, – требовательно проговорил он, протянув руку.

Женщина вложила ему в руку конверт и прошептала:

– Здесь половина, вторую половину получите после завершения дела. После благополучного завершения. Я надеюсь, вы справитесь?

– Не бойсь, – мужчина ухмыльнулся, – с настоящим профессионалом дело имеешь. Не лох какой-нибудь! Мне это проверить – все равно что у ребенка конфетку отобрать. Это вообще плевое дело.

– Почему же тогда такие большие деньги берете? – едва слышно прошептала женщина.

– Потому и беру, что настоящий профессионал. Мои услуги дорого стоят, понятно? А ты чего шепчешь-то? Простудилась, что ли? Ноги промочила или пива холодного выпила?

– Какого пива! – Женщина поморщилась. – Нужно соблюдать конспирацию, вдруг нас кто-то услышит?

– Да кто здесь услышит-то? – Мужчина презрительно хмыкнул и откинулся на спинку сиденья. – Не дрейфь! С настоящим профессионалом работаешь! Не лох какой-нибудь.

– Я надеюсь. – Женщина заговорила немного громче: – Вы все помните? Не нужно повторять инструкцию?

– Обижаешь!

– Не забудьте отключить сигнализацию. Сторож всегда спит, да и когда не спит – ни черта не слышит, он глухой старый пень, так что с этой стороны никаких неприятностей можно не бояться...

– Да говорят тебе: я настоящий профессионал, не лох какой-нибудь! Даже если там будет взвод спецназа, меня это не остановит!

– Откуда там спецназ? – Женщина испуганно отшатнулась от собеседника. – Это же не банк!

– Это я так, к слову, – мужчина снова хмыкнул. – Чего такая нервная? Сказали же тебе: все будет в лучшем виде. С профессионалом работаешь, не с лохом каким-нибудь.

– Надеюсь, – повторила женщина, но при этом в голосе ее послышалось некоторое сомнение. – Вот план.

Она протянула своему соседу сложенный вчетверо листок папиросной бумаги и добавила:

– Объект обозначен на плане красным крестом. Хочется верить, что вы ничего не перепутаете.

– Само собой, – мужчина, даже не взглянув, спрятал листок в карман. – С профессионалом работаешь!

– Да-да, не с лохом каким-нибудь, – продолжила женщина, досадливо поморщившись. – Только вы на всякий случай план все же изучите.

– А как же!

– И еще, – женщина повернулась к соседу, – аккуратнее там, чтобы полиция потом никаких следов не нашла. Мне это не нужно, да и вам тоже.

– Само собой. – Он зевнул и выбрался из машины, напоследок бросив: – С профессионалом дело имеешь, не с лохом каким-нибудь!

– Смотри у меня! Остаешься здесь за старшую. И чтобы никакого самоуправства, а то ответишь по всей строгости закона! – Пенсионер Сироткин погрозил таксе Дусе пальцем и вышел из квартиры.

Дуся внимательно выслушала хозяйские наставления, склонив голову набок и свесив левое ухо до самого пола. Как только дверь за хозяином закрылась, она немедленно отправилась в угол прихожей, где неосторожный Сироткин оставил новые домашние тапочки, подарок племянницы на Пасху. Тапочки очень интересовали Дусю. Она собиралась как следует их погрызть, поэтому дожидалась ухода хозяина с большим нетерпением. Хозяин отбывал каждый вечер на работу. Пенсионер Сироткин трудился ночным сторожем в художественной галерее «Арт Нуво».

Расположившись в своей каморке, Сироткин заварил чаю, смастерил себе аппетитный бутерброд с розовой вареной колбасой и приступил к исполнению служебных обязанностей. Его служебные обязанности заключались в том, чтобы не спать. Сироткин разгадал кроссворд в газете «Сплетни», потом прочитал в этой же газете волнующий репортаж о скандале, который устроила в ресторане известная эстрадная певица, и короткое сообщение о разводе телевизионного ведущего. Затем он открыл книгу «Как сделать карьеру и преуспеть на службе». Пенсионера Сироткина очень волновали вопросы карьерного роста.

Обложка книги обещала читателям, что все изложенное здесь написано живым увлекательным языком, однако на второй странице Сироткин не смог сдержать зевоту. На третьей он уже вовсю клевал носом и наконец выронил книгу. Ему приснилось, что хозяева галереи заметили редкостное усердие ночного стража и назначили его директором, а еще значительно увеличили жалованье.

«Мы всегда знали, что на вас можно положиться, Алексеич!» – проговорил во сне хозяин.

Сироткин не успел удивиться тому, что хозяин так непривычно к нему обращается, и проснулся.

В каморке было совсем светло. Рядом с ним стояла уборщица Мария Михайловна и озабоченно повторяла:

– Алексеич! Да проснись же ты наконец! Не ровен час, придет кто-нибудь из начальства, а ты дрыхнешь!

– Кто дрыхнет? – обиделся Сироткин. – Я на посту! Я как штык! Я всегда при исполнении!

– Ага, при исполнении, – передразнила бравого пенсионера вредная тетя Маша. – У тебя всю галерею раскрадут, а ты и не заметишь.

– Да ну, – отмахнулся Сироткин, – кому вся эта дрянь нужна?

– Нужна не нужна, а на работе должен быть порядок! – неодобрительно покачала головой Мария Михайловна.

Насчет порядка Сироткин с ней был целиком и полностью согласен, о чем тут же и заявил:

– У меня, Мария Михайловна, обязательно порядок. Прямо как, к примеру, в танковых войсках.

– Ага, порядок, – продолжала ворчать уборщица. – А дверь, между прочим, на одну собачку захлопнута.

– Как на собачку? – растерялся Сироткин. – На какую собачку?

Ему не ко времени вспомнилась собственная такса Дуся.

– На какую! – передразнила его Мария Михайловна. – Известно на какую – на обыкновенную! На один верхний замок захлопнуто, когда положено на два верхних и два нижних запирать.

– Не может быть! – перепугался пенсионер. – Я точно помню, что на все запирал. У меня склероза нет пока!

– Как раз и выходит, что есть, – припечатала уборщица. – Да ты, Алексеич, не переживай, я начальству ничего не скажу, мне это ни к чему. Только проверь, не пропало ли чего.

На взгляд Сироткина, самыми ценными предметами в галерее были его личный почти новый электрический чайник и большая банка растворимого кофе «Амбассадор», которую подарило пенсионеру начальство на его любимый праздник – День защитника Отечества. Убедившись, что и чайник, и банка на месте, Сироткин несколько успокоился. Более того, кофе в банке был на прежнем уровне. Сироткин никого этим «Амбассадором» не угощал и сам пил его только изредка, под настроение.

Однако следовало проверить и все остальные вверенные ему ценности. В сопровождении перепуганной Марии Михайловны brave сторож вышел в галерею.

Первыми на его пути оказались патристические вышивки Евдокии Лукиничны Водопятовой. К этому искусству Сироткин относился с одобрением: оно напоминало ему рукоделие покойной бабушки, а кроме того, не противоречило убеждению, что искусство должно быть понятно народу, к которому Сироткин себя не без основания причислял. Убедившись, что все вышивки висят на прежних местах, страж порядка победно расправил плечи.

Дальше по курсу располагались металлоконструкции великой и ужасной Антонины Сфинкс. С этими произведениями было несколько сложнее. С одной стороны, они не претендовали на то, чтобы быть понятными простому человеку вроде пенсионера Сироткина. С другой же стороны, художественные изделия Антонины были изготовлены из добротного отечественного металла, а к металлургии Сироткин с юности питал некоторое уважение.

Но и железяки сейчас находились на прежних местах.

Сторож вытер вспотевший от волнения лоб клетчатым носовым платком и прошел вперед.

Прямо по курсу должны были висеть разноцветные тряпки Екатерины Дроновой. К ним Сироткин относился без уважения. На его взгляд, годились эти панно только на то, чтобы зашивать ими дырки на обоях. Почему взрослая женщина, вместо того чтобы стоять у ткацкого станка или собирать чайный лист – в общем, заниматься настоящей работой, сшивает старые лоскутки, он категорически не понимал.

И вот тут-то его поджидал неприятный сюрприз. Добрая половина разноцветных тряпок бесследно исчезла. Сироткин на всякий случай протер глаза, но от этого ровным счетом ничего не изменилось. Перед ним на том самом месте, где еще вчера находилось панно с двумя лошадьми, белела хорошо оштукатуренная стена. Исчезли и другие работы.

– Ах ты, мать честная, – пробормотал Сироткин и повернулся к Марии Михайловне поделиться новостью. Однако ушлая уборщица уже поняла, что случилось грандиозное ЧП, и побежала к телефону звонить начальству, чтобы не впасть в немилость заодно с проштрафившимся сторожем. В том, что Алексеичу грозят серьезные неприятности, она нисколько не сомневалась.

Через час в галерее появилось руководство. Красный и перепуганный Сироткин клялся, что всю ночь не сомкнул глаз и совершенно не понимает, как могли пропасть экспонаты с выставки. Директор буравил сторожа взглядом и грозил самыми страшными карами. Мария Михайловна в другой комнате давала показания заместителю директора, причем сдавала сторожа с потрохами.

Еще через час в «Арт Нуво» явилась Полина Копытина, вездесущая корреспондентка газеты «Сплетни». Как она пронюхала, что в галерее что-то стряслось, оставалось для всех загадкой. Впрочем, каждый настоящий журналист должен обладать почти мистической способностью оказываться в нужное время в нужном месте.

Полина пошептала кое с кем из сотрудников и бесшумно удалилась. После нее нахлынули другие представители четвертой власти, вооруженные самым страшным оружием массового поражения – фотоаппаратами и диктофонами.

Акулы пера набросились на команду «Арт Нуво» и в два счета вытрясли всю необходимую информацию. Однако к тому времени, когда они вырвались из галереи и разбежались по своим редакциям и студиям, газета «Сплетни» уже печатала сообщение о происшествии в «Арт Нуво».

«Сегодня ночью хорошо вооруженные бандиты совершили налет на одну из городских художественных галерей. Судя по тому, как легко грабители проникли в помещение, у них имелся свой человек среди сотрудников. Тем не менее во время налета убито несколько охранников. Общее число жертв уточняется.

Целью ночных грабителей были произведения известной художницы Екатерины Дроновой. Только вчера на открытии выставки на ее полотна обратил внимание арабский шейх, посетивший галерею. Нефтяной магнат обсудил с художницей возможность приобретения работ, причем в разговоре звучали суммы с семью нулями. Однако Дронова заявила, что не хочет, чтобы ее произведения покинули Россию, и уже ведет переговоры с одним из богатейших людей нашей страны, включенным в список журнала Forbes.

В свете этих событий ночное происшествие наводит на размышления: не действовали ли грабители по поручению шейха?

Наш корреспондент Полина Копытина проводит собственное журналистское расследование. Только у нас вы найдете свежую и достоверную информацию обо всем происходящем в городе, в стране и в мире».

– Нет, но вот откуда она все это взяла? – горестно проговорила Катя, складывая газету. – Ведь ни словечка правды!

С утра Катерина позвонила Ирине в совершенно невменяемом состоянии. С трудом добившись от нее кое-какой конкретики, Ирина помчалась отпаивать Катю валокордином, вызволив по дороге Жанну. Жанна, хоть и поклялась вчера, что с неблагодарной Катей месяц не будет разговаривать, тем не менее успела к страдальце даже раньше Ирины.

Подруги умыли зареванную Катю холодной водой и поехали в галерею. Поток журналистов уже схлынул, так что художницу с распухшей физиономией никто и не думал снимать. В ходе осмотра места происшествия выяснилось, что исчезло больше половины работ. Вор действовал быстро и умело, ничего не было взломано, опрокинуто или перевернуто. В галерее царил относительный порядок, только на месте Катиных панно зияли пустоты. Полиция допрашивала сторожа и пожимала плечами. Катю снова отпаивали валокордином.

Сейчас три подруги сидели в кафе «Гурме» на втором этаже «Пассажа». Перед Жанной и Ириной стояли маленькие чашечки кофе по-венски, перед Катей – большой капучино и тарелка с куском орехового торта.

– Почему же ни слова правды? – включилась в разговор Ирина. – Во всяком случае, твою фамилию эта журналистка не переврала, а это уже достижение.

– И вообще, это огромная удача, – поддакнула Жанна. – Это же первоклассный пиар! Теперь все несколько дней будут говорить только о тебе. Да такое ни за какие деньги не купишь!

– Да, – Катя всхлипнула, – а панно-то пропали! Вы не представляете, как жалко! Сколько труда я в них вложила! Особенно в это последнее, с двумя всадниками и двумя звездами!

– Конечно, жалко, – согласилась Ирина. – Но может быть, они еще найдутся. Полиция ведет поиски...

– Полиция! – фыркнула Жанна. – Тебе самой-то не смешно? Когда они что-нибудь находили? Но я повторяю: это не главное! Ты сделаешь еще много таких панно, а эта кража создаст тебе имя. Знаешь, как рассуждают люди? Посредственные вещи не крадут! Раз твои работы украли – значит, они очень дорого стоят. Тем более в газете такого наворотили: грабители, жертвы, арабский шейх...

– Вот-вот, – Катерина всхлипнула еще громче, – еще и Люсьен наверняка обидится...

– Кто? – воскликнули вместе Ирина и Жанна.

– Люсьен, кот-де-леонский атташе.

– Ах, так он уже Люсьен! – Жанна уставилась на подругу взглядом прокурора, требующего высшую меру за кражу велосипеда.

– Вообще-то его зовут по-другому, но его настоящее имя просто невозможно произнести, – смущенно ответила Катя, заметно покраснев и торопливо приступив к уничтожению торта.

– Колись! – завопила Жанна так, что на нее обернулась сидевшая за соседним столом дама элегантного возраста. – Колись! Как прошел вчерашний поход в ресторан?

– Да ничего особенного, – пыталась отбиваться Катя.

– Судя по тому, что он уже Люсьен, особенное все-таки было!..

– Да не было ничего. Ели мясо зебу с кус-кусом...

– Зебры? – удивилась Ирина. – Я бы ни за что не стала есть зебру, она такая симпатичная.

– Да не зебру, а зебу, – поправила Катя. – Это такое животное вроде горбатой коровы. А еще ели бататы, маниоку и плоды хлебного дерева – в общем, все такое экзотическое...

– Катка в своем репертуаре! – возмущенно проговорила Жанна. – Вчера она весь вечер ела, а сегодня будет нам об этом рассказывать! Ты нам лучше расскажи, что у тебя было с этим Люсьеном.

– Да ничего не было! – Катя с удивлением рассматривала свою тарелку, на которой почему-то совсем не осталось торта. – Девочки, подождите, я закажу себе еще одно пирожное!

– Нет! – сурово воскликнула Жанна. – Никаких пирожных, пока не расскажешь нам все о вчерашнем вечере!

– Да и вообще, Катюша, думаю, тебе хватит, – подлила яда тихая Ирина.

– Какие вы все-таки жестокие! – обиделась Катя. – Между прочим, я сегодня ничего не ела. То есть почти ничего... И такой ужасный стресс перенесла с утра пораньше!

– Ничего и почти ничего – это, как говорят в Одессе, две большие разницы, – стояла на своем Жанна. – Рассказывай в подробностях, иначе никаких пирожных!

– Да говорю же вам, девочки, ничего не было. Печеные бататы, пирог с маниокой, кус-кус...

– Не о еде, – рявкнула Жанна, – о Люсьене!

– Но действительно же ничего не было! Он вел себя как настоящий джентльмен и все время расспрашивал, как мне понравилась Африка. Ни за что не хотел поверить, что я там никогда не была.

– И никаких поползновений с его стороны? – недоверчиво спросила Жанна.

– Говорю же вам, никаких! Хотя, конечно, он потрясающе интересный мужчина... – и Катя зарделась, мечтательно возведя глаза к потолку.

– У тебя просто какая-то патологическая страсть ко всему африканскому. – Жанна забарабанила наманикюренными пальцами по стеклянному столу. – Наверное, ты заразилась этим от своего Кряквина.

– Может быть, – задумчиво протянула Катя.

– Интересно, эта инфекция передается воздушно-капельным путем или только половым?

– Жанка, ты просто невыносима! – На этот раз Катерина обиделась на подругу всерьез и даже вскочила из-за стола. – Между прочим, Жанночка, я тебе хотела одну очень важную вещь сказать, – бросила она через плечо, – именно тебя касающуюся, но раз ты так, то тебе же будет хуже!

– Жанка, ты ее действительно задразнила, – вполголоса проговорила Ирина, глядя в спину удаляющейся подруге. – Нельзя же так!

– Не волнуйся, – отмахнулась Жанна. – Ты думаешь, она уйдет? Да она просто пошла к стойке заказать еще пирожных!

Жанна оказалась совершенно права. Через минуту Катя вернулась к столу с тарелкой, на которой красовались кусок ежевичного флана и песочная корзиночка с клубникой и кусочками персика.

– Девочки, – жалобно попросила она, – не бросайте меня одну! Вот сейчас кофе выпьем и поедем снова в галерею. А то я утром даже не поглядела, что там осталось, на пепелище.

– Да не трави ты душу! – не выдержала Ирина. – Ведь так от переживаний и заболеть можно!

– Она нарочно на жалость бьет, – заметила Жанна, – чтобы мы ей эту гору пирожных съесть позволили.

– Лучше быть толстой и здоровой, чем тощей и больной, – философски заметила Катя и в кои-то веки вышла победительницей в споре.

Уборщица в галерее «Арт Нуво» Мария Михайловна Вострикова была вне себя от ярости. Нынешний день не задался с самого утра. Сначала она поругалась с невесткой из-за места в холодильнике. Эта корова вечером впихнула свою кастрюлю с супом, да так подвинула все продукты, что у Марии Михайловны опрокинулась банка со сметаной. Сметана, ясное дело, вылилась на невесткину колбасу, и вышел скандал. Конечно, сын встал на сторону невестки, очевидно потому, что ему не досталось колбасы, а нормальный завтрак сготовить эта лентяйка не может. Она, видите ли, опаздывает на работу.

Сам по себе скандал не слишком расстроил Марию Михайловну: собачиться с невесткой вошло у нее в привычку и давно заменяло утреннюю зарядку. А что, даже полезно для здоровья, бодрит. Огорчало лишь то, что на этот раз невестка сумела оставить за собой последнее слово.

«Мало того, что житья не даете, – заявила эта нахалка, – так еще и суп из-за вашего характера все время прокисает!»

И дверь напоследок хлопнула, и каблучищами своими по лестнице простучала, что твоя лошадь подковами. А пока Мария Михайловна собиралась с духом, чтобы высказать все, что у нее наболело, вся семья спешно испарилась – кто на работу, кто в школу.

Так и случилось, что Мария Михайловна пошла на работу неотомщенной. Стоило ей увидеть, что дверь в галерею на один замок закрыта, как она сразу поняла, что сторож проспал. Ему только дай волю, все на свете проворонит! И ведь непьющий вроде, только кофе каждый вечер наливается. И спит от этого кофе так крепко, как другие от водки.

Сама Мария Михайловна кофе не любила: горький, пахучий, да еще спишь после него отвратительно, черти снятся.

И ведь не зря черти вспомнились. С самого утра выяснилось, что все плохо – обокрали галерею, вынесли экспонаты. Красивые такие картинки из тряпочек, а сама художница какая-то странная, с волосами разноцветными. Но за время работы в художественной галерее Мария Михайловна ко всему привыкла. Художники – народ чудной, один другого перещеголять norовит. А дамочку не то чтобы жалко, но уж очень она убивалась, чуть ли не головой о стенку билась. Сторож Сироткин только рукой махнул, дескать, что уж так расстраиваться из-за тряпок. Тут Мария Михайловна с ним не согласилась, одного труда, сказала, сколько пошло да времени. Они, мужики, никогда женскую работу не уважают. Заштопаешь им все, заплатки аккуратные поставишь – глядишь, снова все рваное, когда только успевают.

Ох и вертелся Сироткин, когда начальство приехало, прямо как карась на сковородке. Честные глаза делал, кулаком себя в грудь стучал – дескать, всю ночь на посту как штык. Глаз не сомкнул, выполнял должностную инструкцию!

Начальство, понятно, не очень поверило. Какой уж тут штык, когда все двери чуть ли не нараспашку. Да и Мария Михайловна не стала сторожа покрывать – все выложила как на духу. Чего его выгораживать, он ей не сват, не брат, не муж и не любовник.

А дальше у нее самой неприятности начались. Так уж повелось, что кабинеты начальства и подсобные помещения она убирала по вечерам, как все разойдутся, а выставочный зал – утром, пораньше, пока еще не открыли. Сегодня, конечно, ни о какой уборке речи быть не могло: полиция понаехала, корреспонденты, бегают, носятся, всех допрашивают, пишут. И ладно, обрадовалась было Мария Михайловна, все работы меньше, да не тут-то было. Этих полицейских и в служебные помещения занесло. Натоптали, наделили, окурки везде, пыль, грязь. Ботинки перед входом ни один не вытрет, так с улицы и прутся! Директор галереи злой как черт, а на ком злость сорвать? Ясное дело, на подчиненных. А кто самый безответный? Уборщица, кто же еще. Как налетит на нее в коридоре, как гаркнет! Чем это вы, кричит, здесь занимаетесь? Лясы, говорит, точите, а кругом грязь? И так неприятности, так еще и персонал распустился!

Мария Михайловна ему и говорит рассудительно, что, мол, к чему зазря убирать, когда до конца дня еще сто раз натопчут? Директор от злости весь красный стал, Мария Михайловна даже испугалась, что его удар хватит. Увольнением пригрозил, и только тогда она решила все сделать, как он велит. Не хватало еще работу потерять.

Мыла полы тщательно, чтобы никто не привязался, самые дальние закутки вычистила. А когда дошла до кладовки, где старые рамы хранятся и разные инструменты, заметила, что дверца открыта. Иногда этой кладовкой пользовались такелажники и оформители, грубые невоспитанные мужики. Они прятали там спиртное и часто, забрав заначку, не запирали дверь. Мария Михайловна дернула дверцу, а оттуда – батюшки-светы – он и вывалился. Кто он, уборщица сначала даже не врубилась: не то большая кукла, не то манекен, в галерее всякое может встретиться. Только как грохнулся он на пол с тяжелым стуком, тогда до нее дошло, что не манекен это никакой, а самый что ни на есть покойник. Лысый, весь желтый, и челюсть отвисла.

Мария Михайловна негромко охнула, зачем-то перекрестилась и попятилась. Убедившись, что покойник всамделишный и не собирается исчезнуть, она бросилась назад по коридору искать кого-нибудь из начальства. Покойники – это по их части.

Не успели подруги войти в помещение «Арт Нуво», как навстречу им, как чертик из табакерки, выскочил администратор галереи Лева Гусь. Создалось впечатление, что Лева сидел под дверью в засаде, как кот у мышиной норки, и караулил их. Реденькие Левины волосики от волнения торчали дыбом, делая его похожим на перезрелый одуванчик.

– Екатерина Михайловна! – Гусь налетел на Катю и сделал большие глаза. – Вас уже обыскались!

– Кто, – растерянно спросила Катя, – журналисты?

– Какие журналисты, – Лева всплеснул руками, – я вас умоляю! Если бы это были журналисты! Вас ищет полиция! Такая страшная женщина, что моя теща рядом с ней – просто ангел.

– Полиция? – Катя попятилась. – Почему полиция? С какой стати полиция? Зачем я нужна полиции?

– И не спрашивайте! Здесь такое случилось, такое случилось... Пойдемте скорее, а то она уже перекалилась, как испорченный кипятильник, и начинает сыпать вокруг себя искры.

– Катя, мы с тобой, – решительно заявила Ирина.

– Но она просила привести только Екатерину Михайловну, – простонал администратор.

– Мало ли что она просила! – осадила его Жанна. – Я ее одну ни за что не оставлю. И вообще, я дипломированный юрист и имею право...

Эта фраза осталась незаконченной, потому что Жанна не успела придумать, какое именно право она имеет в этой непростой ситуации. Но Лева Гусь не стал дожидаться, пока она закончит. Он только тяжело вздохнул и повел подруг в свой кабинет.

За столом в его кабинете сидела тоненькая девочка с большими голубыми глазами и светлыми, коротко стриженными волосами. Жанна огляделась в поисках грозного следователя, но в это время хрупкая блондинка приподнялась из-за стола и рявкнула басом:

– Почему посторонние? Я приказала привести только Дронову! Которая Дронова?

– Я! – испуганно пискнула Катя.

– Остальным выйти! – пророкотала блондинка и для большей выразительности грохнула кулаком по столу. Кулачок был хоть и небольшой, а гром получился самый что ни на есть серьезный.

– Я юрист, – бросилась Жанна на амбразуру. – Я с ней останусь. Имею право!

– Я сама юрист, – ответила грозная девица, – и никакого права вы не имеете! А впрочем... Вы ведь были здесь вчера во время открытия выставки?

Девица буравила Жанну пронзительным взглядом и одновременно вытряхивала из пачки толстую крепкую папиросу.

– Была! – Жанна на всякий случай сделала шаг вперед.

– Я тоже была! – заявила Ирина и встала рядом с подругой.

– Тогда останьтесь. – Девица закурила, и по кабинету поплыл запах крепкого мужского табака. – Пойдете вместе с Дроновой на опознание.

– На что? – переспросила Катя, резко побледнев.

– На опознание тела, – блондинка решительно поднялась из-за стола. – Капитан Матросова.

– Какое тело? – испуганно пролепетала Катерина. – Какого Матросова? Я не знаю никакого капитана Матросова!..

– Это я капитан полиции Матросова! – выдохнула дым суровая блондинка и двинулась к двери.

За дверью кабинета многочисленную женскую компанию встретил мрачный мужчина со сросшимися на переносице бровями.

– Александра Ивановна, какие будут указания? – бросился он к блондинке, преданно пожирая ее глазами.

– Этих – на опознание! – распорядилась Матросова и сдвинула дымящуюся папиросу в угол рта.

Подруг провели по полутемным служебным коридорам галереи и ввели в небольшое подсобное помещение. Посреди комнаты стоял стол. Под не очень свежей простыней вырисовывались очертания человеческого тела. Мужчина со сросшимися бровями отбросил край простыни и спросил, обращаясь к Кате:

– Вам знаком этот человек?

Катя схватилась за сердце и на всякий случай зажмурила глаза. Потом собралась с силами, приоткрыла один глаз, сделала шаг вперед и уставилась на то, что лежало на столе.

Она увидела лысую голову неправильной формы, прикрытые набрякшими веками глаза и неуверенно выдавила:

– Это журналист, он вчера подходил ко мне на выставке. Правда, девочки? – и она обернулась на подруг в поисках поддержки.

– Не переговариваться, свидетели, – рявкнула Матросова, – остальные еще получают слово! Так вы признаете, что этот человек вам знаком?

– Что значит знаком? – растерянно протянула Катя. – Я же говорю: он вчера подходил ко мне на выставке, хотел взять интервью, написать статью о моих работах. Он журналист.

– Какой газеты? – строго спросила Матросова.

– Ой, от какой же... – Катерина снова обернулась к подругам: – Вы не помните, девочки?

– От «Невского курьера», – сказала Ирина.

– От «Петербургского вестника», – сказала Жанна.

– Так все-таки от какой? – не отступала мадам Матросова. – Как-то вы расходитесь в показаниях.

– Кажется, от «Ленинградского почтальона», – еле слышно проговорила Катя.

– Он сам все время путался, – подвела итог Жанна. – То одно издание называл, то другое.

– Странно, – протянула Матросова.

– Нам это тоже показалось странным, – поддержала подругу Жанна. – Я у него попросила визитку, а он не дал, сказал, что закончились.

– Ничего странного. – Ирина неожиданно почувствовала потребность вступить за пишущую братию, к которой и себя причисляла. Многие журналисты работают сразу на несколько изданий, поэтому он мог называть то одну газету, то другую.

– Разберемся! – рявкнула Матросова. – А имени его вы, конечно, тоже не знаете? Или он называл несколько имен? Это тоже принято у журналистов?

– Нет, почему же, – протянула Ирина. – Кажется, он сказал... Хотя нет, он вроде так и не представился...

– Представился! – перебила ее Жанна. – Его зовут, то есть звали... – Она потерла пальцами переносицу и задумалась. – А вообще-то он как-то неразборчиво представился, я не слышала имени.

– Очень странно! – Матросова криво усмехнулась, как будто только что поймала свидетелей за руку и они моментально превратились в подозреваемых. – У нас, между прочим, имеются показания, из которых следует, что у вас с потерпевшим были личные контакты. – Она уставилась на Катю пронзительным взглядом.

– Ка... какие контакты? – переспросила та дрожащим голосом.

– Вопросы здесь задаю я! – оборвала ее суровая девица, но тут же ответила:

– Вы назначили потерпевшему свидание.

– Какое свидание? – Катя покраснела. – Вовсе никакого свидания я ему не назначала!

– Да? – Капитанша усмехнулась. – А между прочим, у него найден ваш телефон. То, что это ваш телефон, подтвердил присутствующий здесь гражданин Гусь.

Лева, тихо стоявший в углу, завертелся, как угорь на сковороде.

– А что я, – пробормотал он, – я ничего... Я вас умоляю, или это такой большой секрет?

– Впрочем, мы и без него быстро бы это выяснили.

– Ах, телефон! – обрадовалась Катя. – Да, я ему дала свой телефон, но это совсем не то, что вы думаете! Ведь он хотел взять у меня интервью, а для этого ему нужно было посмотреть другие работы. А они у меня в мастерской, вы понимаете...

– Я-то все отлично понимаю, – еще больше насупилась Матросова, – а вот понимаете ли вы, насколько серьезно ваше положение? Вы были, можно сказать, последней, с кем общался пострадавший, то есть погибший, и у вас были все возможности...

– Да не было у меня никаких возможностей! – перебила ее Катя. – Я вчера вечером была... – тут Катя замялась, почувствовав, что то, что она собирается сказать, вряд ли послужит пользе дела.

– Я вас слушаю, – насмешливо проговорила капитанша, – где же вы были вчера вечером?

– В ресторане, – и Катя залилась стыдливым румянцем.

– Очень интересно! И это кто-нибудь может подтвердить?

– Зря вы так иронизируете! – бросилась Жанна на защиту подруги. – Екатерина Михайловна вчера была в ресторане по приглашению атташе республики Кот-де-Леон, в рамках, так сказать, укрепления культурных связей между нашими странами. На господина атташе произвели большое впечатление ее работы, и он захотел продолжить общение. Если у вас есть какие-то сомнения, можете запросить пресс-службу консульства.

– Да нет, у меня никаких сомнений нет, – суровая девица моментально стушевалась, – я только хотела уточнить, кто где был...

– Послушайте! – Катерина окончательно взяла себя в руки. – Заявляю вам совершенно официально, что с этим человеком, – она ткнула рукой в то, что лежало под простыней, – у меня нет ничего общего. Я с ним даже знакома не была, только перекинулась парой слов на вернисаже. Да там полно народу толклось, многие его видели. И даже странно слышать от вас такие вопросы: где я была вчера вечером. Я, к вашему сведению, потерпевшая! У меня украли работы! По-вашему, я сама это сделала?

Жанна за спиной суровой капитанши показала Кате две сомкнутые руки, дескать, молодец, подруга, сумела себя поставить, одобряю.

– Ваши украденные работы теперь отходят на второй план, – не сдавалась Матросова. – Теперь мы расследуем убийство.

– Ха, – обрадовалась Жанна, – все как я говорила! Катерина, простись со своими панно, полиция и не подумает их искать!

Ирина почувствовала, что нужно срочно вмешаться, потому что Жанна и капитанша смотрели друг на друга горящими глазами, как две голодные пантеры. Если бы речь шла о рукопашной, она бы, пожалуй, поставила на Жанну, но в данном случае силы были неравны, поскольку за спиной Матросовой стояли трое бравых сотрудников, которые, конечно, не станут спокойно смотреть, как лупят их начальницу.

– Послушайте, – сказала Ирина, – ведь очевидно же, что если два преступления произошли в одном и том же месте в одно и то же время, то они взаимосвязаны. Проще говоря, кто этого типа убил, тот и работы художницы Дроновой украл!

Она внезапно замолчала, наткнувшись на жесткий взгляд капитанши.

– Вы, гражданка Снегирева, кем работаете? – вкрадчиво поинтересовалась Матросова.

– Я писатель, – пробормотала Ирина и поспешно наступила на ногу Катке, которая уже порывалась сообщить, что Ирина Снегирева – знаменитая писательница детективов, что на ее счету уже больше десяти романов и что скоро на экраны страны выйдет сериал по ее произведениям.

– Угу, писатель, – издевательски протянула Матросова. – Так вот, гражданка писатель, я же не учу вас, как романы писать. А я оперативник и сама знаю, как убийства расследовать! Вам, видите ли, все очевидно, а мне – не очевидно! И давайте каждый будет заниматься своим делом!

«Надо же, какая грубиянка, – подумала Ирина. – И ведь совершенно не подойдет здесь ответ «не учите меня жить» или «сама такая». Откровенно говоря, вообще не представляю, как с этой капитаншей разговаривать, она же все сама знает. Видно, права Жанка, пропали Катины работы безвозвратно».

Появился вышедший ненадолго помощник Матросовой. Еще больше нахмутив сросшиеся брови, он прошептал на ухо начальнице несколько слов. Та резко помрачнела, впрочем, и раньше ее настроение не было безоблачным.

– Должна вам сообщить, что убитый – никакой не корреспондент газеты «Ленинградский почтальон», а фигура, известная в криминальных кругах, – нехотя сказала она. – Это некий Леонид Подсвечников по кличке Леня Свет, он же Алексей Пеньков, он же Лысый Ленчик.

– Ой, – Катерина закрыла рот рукой, – ужас какой! А что этому Ленчику от меня было нужно?

– Вот именно об этом я и хотела вас спросить, гражданка Дронова! – Капитанша посерьезнела, и даже хриплый голос ее стал звучать не так противно.

– Вы его личность по отпечаткам пальцев определили? – поинтересовалась Ирина. – Или как?

– Или как, – строго сказала Матросова. – И попрошу больше не задавать вопросы не по существу.

Ирина обиделась и решила хранить гордое молчание.

– Я жду ответа! – отчеканила капитанша, требовательно глядя на Катю.

– Слушайте, откуда же я знаю, что ему было от меня нужно! – рассердилась Катерина. – Он сам ко мне пристал как банный лист, все домой просился остальные работы смотреть. Я думала, что и правда журналист такой настырный.

– А ваши панно, они, как бы это выразиться, представляют какую-нибудь ценность?

– Что вы хотите этим сказать! – возмутилась Катя. – Художественные произведения всегда представляют ценность.

Капитан Матросова взглядом выразила все, что она думает о куске ткани, на который нашито множество мелких тряпочек. У нее в голове никак не укладывалось, что кому-то могло понадобиться такое искусство. Может, оно и красиво, на вкус и цвет товарища нет, но вряд ли за такое убивают.

– Для меня мои работы бесценны! – закричала Катерина, правильно поняв все, что светилося в голубых глазах капитанши.

– Екатерина Михайловна хотела сказать, что примерная стоимость украденных работ составляет десять тысяч долларов, – влезла в разговор Жанна. – По рыночным ценам, разумеется.

– Для Лысого Ленчика это семечки, – пренебрежительно поморщился бровастый сотрудник капитана Матросовой, за что был удостоен грозного взгляда своей начальницы.

– Он что, специализировался на произведениях искусства? – не выдержала Ирина.

– Свидетели, вас больше не задерживают! – рявкнула Матросова прокуренным басом. – Все свободны! К следователю вас вызовут!

– Когда? – прищурилась Жанна.

– На днях или раньше!

Темно-красная «Хонда» свернула к тротуару и затормозила. Тут же из стоявшей рядом бежевой «пятерки» выскочил худощавый мужчина с бегающими глазами. Передняя дверца красной машины отворилась, мужчина пригнулся и плюхнулся на сиденье рядом с женщиной в черных очках.

Сразу было видно, что он взбешен.

– Ты что же, стерва коммунальная, устроила? – прошипел худощавый, повернувшись к своей соседке. – Ты во что меня втянула?

– Это вы должны мне объяснить, что произошло! – прервала его женщина срывающимся от волнения голосом. – Кого вы там завалили? Мы ни о чем таком не договаривались!

– Я? – возмущенно выкрикнул мужчина. – Да ты, каракатица безмозглая, курица ошпанная, за кого меня принимаешь? Я профессионал, а не лох какой-нибудь! Я на мокрое дело не подряжался! Я к тому покойнику никакого отношения не имею! Взял то, о чем договорились, и дело с концом! Моя работа выполнена! А то, что там жмурик какой-то образовался, все дело меняет! Ты меня ни о чем таком не предупредила! На меня хочешь покойника своего повесить? Не на такого напала!

– Я тоже к этому трупу никакого отношения не имею, – прошипела женщина. – И нечего на меня кричать.

– Да я тебе сейчас шею сверну! – И мужчина пригнулся к ней, как будто собирался привести угрозу в исполнение.

Женщина отдернулась и нажала кнопку сигнала. Прохаживавшийся у перекрестка гаишник удивленно покосился на красную машину и неторопливо двинулся к ней, помахивая жезлом.

– Ты что, совсем сдурела? – прошипел мужчина. – Только мента нам не хватало!

– Сам сдурел, – огрызнулась женщина, нечего мне угрожать!

Постовой приблизился к машине, наклонился и проговорил в окошко:

– Старший сержант Конопелькин. Что у вас случилось?

– Ничего не случилось, все в порядке, начальник. – Мужчина изобразил на лице подобие широкой улыбки.

– Не тебя спрашиваю!

– Все в порядке, – подтвердила женщина, вымученно улыбнувшись.

– А если все в порядке, зачем сигналите? Что же вы, гражданочка, не знаете, что подача звуковых сигналов в городе запрещена во всех случаях, за исключением аварийных?

– Знаю, – виновато проговорила женщина, – нечаянно кнопку задела. Сколько я вам должна?

– Ладно, ничего не должны, – расщедрился старший сержант, выпрямляясь. – В следующий раз будьте осторожнее.

Едва дождавшись, когда отойдет полицейский, мужчина вполголоса проговорил:

– Совсем окосела! Сейчас бы этот мент документы потребовал, и горели бы мы тогда синим пламенем.

– А нечего было угрожать!

Мужчина резко выдохнул сквозь сжатые зубы, издав звук наподобие змеиного шипения, и взял себя в руки.

– Ладно, открывай багажник, я к тебе переложу то, о чем договаривались.

– Не надо! – испуганно ответила женщина. – После того, что случилось, я ничего не хочу брать!..

– Ну уж нет! Хочешь, чтобы меня с этим бараклом замели и повесили на меня того покойника? Не выйдет! Ты из меня лоха-то не делай, не на такого напала! Я профессионал!

Он выбрался из «Хонды», подошел к своей неприметной «пятерке», покосился на гаишника и, убедившись, что тот занят собственными делами, открыл багажник и достал из него какой-то объемистый тюк. Поскольку женщина сидела на прежнем месте и не думала открывать багажник своей машины, «профессионал» забросил тюк к ней в салон под заднее сиденье. Потом он снова сел в красную «Хонду» и удовлетворенно потер руки:

– Вот так-то. Как договаривались, так и сделаем, и нечего тут понты кидать! Теперь гони оставшиеся деньги, и разбежимся, как тараканы после дихлофоса. Я тебя не знаю, и ты меня не знаешь!

Женщина что-то недовольно проворчала себе под нос, но не решилась спорить. Она вытащила из бардачка конверт и протянула его своему соседу. Тот довольно ухмыльнулся и сказал напоследок:

– Стоило бы с тебя дополнительную капусту срубить, так сказать, штраф за лишний риск и непредвиденные обстоятельства, но так уж и быть, уговор дороже денег. На сколько договорились, столько и возму. Потому что я, понимаешь, профессионал, а не лох какой-нибудь.

С этими словами он пересел в свою «пятерку» и поспешно отъехал от тротуара.

Женщина еще долго сидела, думая, как поступить в изменившихся обстоятельствах. Все шло совсем не так, как было задумано. Она достала пачку сигарет. Руки так тряслись, что закурить удалось с трудом, с третьей или четвертой попытки. Ей показалось, что старший сержант Конопелькин начинает подозрительно на нее коситься. Нужно было уезжать и обдумать ситуацию в более удобном месте.

Она повернула ключ в замке зажигания, выжала сцепление и выехала на дорогу. Руки на руле дрожали мелкой дрожью. Женщина несколько раз глубоко вдохнула, стараясь справиться с беспокойством. Обгоняя ее, мужчина за рулем синей «Тойоты» покрутил пальцем у виска. Оказывается, она ехала с включенным сигналом поворота. Нет, в таком состоянии находиться за рулем нельзя, нужно оставить машину где-нибудь в безопасном месте и добираться домой на частнике. Правда, у нее в машине опасный груз...

Она не успела додумать эту мысль до конца, потому что не заметила сигнал светофора и выехала на перекресток на красный свет. Опомнилась она только тогда, когда увидела прямо перед своей машиной новый серебристый «Ягуар». В считанные секунды промелькнула мысль, сколько стоит эта шикарная машина и какие неприятности ее ждут, если не удастся избежать столкновения. Руки сами вывернули руль до предела, отвратительно заскрипели тормоза, и «Хонда» резко свернула в сторону. «Ягуар» благополучно промчался мимо, а темно-красная машина, совершив немыслимый разворот, выскочила на тротуар и влетела капотом в стену. Раздался скрежет рвущегося металла, потом зазвенело стекло, и наступила оглушительная тишина.

Капот красной «Хонды» сложился как гармошка. На тротуар посыпались стекла. Женщина ударилась грудью о руль, от удара на мгновение перехватило дыхание, но она успела понять, что жива.

В окружившей ее глухой, как вата, тишине раздавался только какой-то раздражающий звук. Наконец она поняла, что сама нажимает на кнопку сигнала. Отпустила ее – и стало еще тише. Почему-то она вспомнила, как мужчины разговаривали при ней о машинах, о том, что современные модели создаются так, чтобы при ударе автомобиль разбивался вдребезги, но человек оставался цел. В таких машинах корпус отливают из специальных, довольно мягких сплавов, а еще используют особые конструкции, разрушающиеся при сильном ударе.

Именно это сейчас и произошло. Красная «Хонда» разбилась в лепешку, сохранив жизнь хозяйке. Кажется, женщина вообще не пострадала. Она толкнула дверь, выбралась из машины и побрела по тротуару, спотыкаясь и неуверенно переставляя ноги. Свернула за угол, подняла руку. Видимо, ее вид оставлял желать лучшего, потому что остановился только третий или четвертый водитель.

О тюке, оставленном в салоне разбитой «Хонды», она даже не вспомнила.

– Так я и знала, – обреченно сказала Катя, – так я и думала...

– Что ты думала? – напустилась на нее Жанна. – Ты вообще никогда ни о чем не думаешь, а витаешь в облаках! А когда что-то случается, ты сразу же начинаешь трястись и реветь, как будто это что-то изменит!

Ирина протянула Кате свой носовой платок и подумала, что Жанна, конечно, права: Катка совершенно расклеилась. После разговора с грозной капитаншей Матросовой они прошли в выставочный зал и с грустью обозрели оставшиеся четыре работы. При виде зияющих пустот на месте остальных Катерина снова впала в отчаяние, а у секретарши директора галереи, как назло, закончился валокордин. И корвалол тоже весь вышел. И капли Зеленина. А настойки пустырника у нее и не было никогда. Девушка предлагала какие-то транквилизаторы, но Жанна решительно отказалась, потому что неизвестно, как Катин изможденный стрессом организм отреагирует на незнакомое лекарство.

Жанна нервничала и поминутно смотрела на часы, но, увы, уехать прямо сейчас было никак нельзя – кто-то же должен отвезти несчастную Катерину домой. Ирина в который раз возблагодарила небеса, что она человек свободной профессии. Нет над ней никакого начальства, не нужно ни у кого отпрашиваться. Давать отчет она тоже никому не обязана, поэтому может помочь подруге и не смотреть каждую минуту на часы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.